

скорби» (спуск эквивалентен подъему), Чистилище (самосовершенствование героини с помощью «памяти» как «прожектора» опыта и переживаний) и, наконец, Рай – пространство, одновременно суженное до одной точки, реализованное как «путь домой» и расширенное до бесконечной перспективы, осознаваемое как «путь вся земля».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. – Т. 3. – М., 1998.
2. Данте Алигьери. Божественная комедия. Пер. с итал. М. Лозинского. Вступ. ст. К. Державина. – М., 1982.
3. Илюшин А.А. Поэт и его творение // Данте Алигьери. Божественная комедия. Пер. с итал. Сост., вступ. ст. и примеч. А.А. Илюшина. – М., 1988.
4. Коваленко С.А. Анна Ахматова. – М., 2009.
5. Мандельштам О.Э. Разговор о Данте // Мандельштам О. Слово и культура: О поэзии. Разговор о Данте. Статьи, рецензии. – М., 1987.
6. Найман А. Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. – 1996. – № 8.
7. Олеша Ю.К. Из книги «Ни дня без строчки» // Данте Алигьери. Божественная комедия. Пер. с итал. Сост., вступ. ст. и примеч. А.А. Илюшина. – М., 1988.
8. Поберезкина П.Е. Анна Ахматова и Николай Гумилев // Ахматовские чтения. А. Ахматова, Н.

Гумилев и русская поэзия начала XX века. – Тверь, 1995.

9. Финкельберг М. О герое «Поэмы без героя» // Русская литература. – 1992. – № 3.
10. Хлодовский Р.И. Анна Ахматова и Данте // Ахматовские чтения. Вып. 2. Тайны ремесла. – М., 1992.

K. Slabkikh

THE ARTISTIC SPACE IN AKHMATOVA'S POEM «WITHOUT A HERO» AND IN DANTE'S DIVINE COMEDY

Abstract. This article presents by separate examples the distinctive peculiarities of Akhmatova's lyrics perception in intratextual and extratextual contexts and offers new approach towards her unique artistic and aesthetic system, including time, space and characteristic features of the original genre. At the heart of this comparative approach lies the community of spatial conception represented equally in Akhmatova's Poem «Without a Hero» and Dante's «Divine Comedy» as special categories of Hell and Paradise.

Key words: lyric heroine, fantastic space, intertext, Divine Comedy, terrestrial Paradise, Dante's universe, cyclic time.

УДК 81'373

Шестопалова Г.А.

«ОСТАВАЛОСЬ ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ: УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ, НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ, ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ» / ПАРЕМИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА/*

Посередине девятнадцатого века возвышается мало до сих пор изученная, мало до сих пор понятая, суровая фигура великого русского сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

Прежде всего он – народный писатель.

А.Н. Толстой

Аннотация. В статье анализируется одна из эстетических сфер отражения категории народности в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина – фольклорность.

Ключевые слова: народность, фольклорность, поэтика, паремия, Салтыков-Щедрин М.Е.

В культуре XIX века фольклор находился в активном состоянии, более того продолжался процесс генезиса жанров; после 1861 года успешно развивался жанр частушки, постоянно тематически обновлялись традиционные жанры. Творчество ряда писателей было объединено со стремлиной устно-поэтической жизни народа, воплощало ее тенденции, способствуя обогащению литературной речи. Наиболее ярко это выражено в наследии писателей-демократов: Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина. При этом указание сатирика устами одного из героев художественного цикла «Убежище Монрепо»: «По секрету скажу вам: хоть это и не входит в круг моих обязанностей, но, по убеждениям моим, я – демократ!» [3] – все же позволяет подтвердить то, что мы не приписываем ему чужого демократизма.

* © Шестопалова Г.А.

Проблема народности – важнейшая для демократов. У Салтыкова-Щедрина обращение к народным проблемам получает разнообразную трактовку: политическую, социологическую, этнографическую, сатирическую, эстетическую, фольклорную. «Молодая русская литература, став однажды на твердую стезю изучения русской народности, не собьется с нее и довершит начатое дело» [5, 33], – свидетельствует писатель в одной из своих рецензий.

Фольклорность как одна из эстетических сфер отражения категории народности в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина представлена многообразием жанров устного народного поэтического творчества, из существующей галереи которых ни один не утрачен в его поэтики. Стилиевые основы искусства сатиры писателя в качестве продуктивной платформы используют малые жанры фольклора, обозначающиеся греческим термином *paroimia* (паремии – припочи): пословицы, поговорки, др.

Отношение к этим жанрам устойчиво в народной культуре человечества, оно формировалось в веках до нашей эры, а поэтому **паремии теоретически осмысленными выступают в устном народном общении:**

1) есть необходимые *термины*, отделяющие жанровую специфику каждого вида паремий: пословица, поговорка, загадка и т. д.;

2) есть *научные определения*, содержащие правильные обобщения и выводы, выраженные присущей фольклору сублимационной (метафорической) стилистикой: «Поговорка – цветок, а пословица – ягода». В таком определении главные особенности каждой структуры описаны при помощи точно подобранных метафор, которые имеют образно выраженную исчерпывающую научную информацию;

3) есть изучение народом типологических свойств пословиц (образности, краткости, меткости, универсальности содержания, важности для красноречия и др.) в тематической группе риторических пословиц или пословиц о пословицах;

4) есть использование пословиц и в жанрах народной прозы, и в музыкально-поэтических жанрах; пословицы встречаются в сказках, преданиях, легендах, в былинах, народных лирических песнях и т.д.

Рядом с народными любознательными в первой половине XIX века развивается общественная потребность в коллекционировании и научном осмыслении малых жанров фольклора. Знаменами времени становятся кол-

лекции и исследования:

И.М. Снегирев. «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах в четырех книгах» (М., 1831-1832); «Русские народные пословицы и притчи, изданные И.М. Снегиревым» (М., 1848) [4];

Ф.И. Буслаев. «Русский быт и пословицы» (Ф.И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. I. С. 78-136) [5];

В.И. Даль. «Пословицы русского народа» (М., 1862) [6];

А.Н. Афанасьев. «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1865) [7];

Н.А. Добролюбов. «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии» (1853), «(Предисловие к пословицам)» (1854), «Заметки о дополнении к сборнику русских пословиц г. Буслаева» (1854), «О поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах» (1854), «Замечание о слоге и мерности народного языка» (1854) [8].

Книги по фольклору включала библиотека редактора журнала «Современник» знаменитого поэта Н.А. Некрасова в его квартире на Литейном проспекте; сотрудники журнала были знакомы с этими выдающимися трудами в области фольклористики. М.Е. Салтыков-Щедрин обращался в своем творчестве к этим работам, упоминал их в своих письмах. «В течение немногих последних лет приобрели уже достаточное количество материалов для знакомства с характером и внутренним бытом русского народа...» [5, 38], – подтверждал этот процесс писатель в рецензии «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския инока Парфения». «Направление, принятое русской литературной последних годов, заслуживает в высшей степени внимания. Русский человек, с его прошедшим и настоящим, с его экономическими и этнографическими условиями, сделался исключительным предметом изучения со стороны литераторов и ученых. Всякий стремится посильною разработкою явлений русской жизни уяснить для себя загадочный образ русского народа; всякий, с нетерпеливою поспешностью, спешит наворожить младенцу-великану блестящую и благоденственную будущность» [5, 33].

Гуманизм творчества Салтыкова-Щедрина был объединен с большой заботой русских фольклористов о разгадывании тайны «загадочного образа русского народа» [5, 33],

выраженной и в коллекциях фольклора, и в научных статьях и трактатах.

Проблема научного определения жанра фольклора является важной теоретической проблемой. Фольклористы учитывают опыт народной мудрости, изложенный в устном поэтическом творчестве, однако связывают его с обширными достижениями книжной грамотности и эрудиции. Определение жанра формировалось исторически. В фольклористике 1830-60 годов выявлялись и обсуждались типологические признаки пословиц. Значительные теоретические выводы и указания на специфику жанра есть во всех названных научных трудах.

В научном трактате «Русские в своих пословицах» И.М. Снегирев высказывает свои взгляды на происхождение пословиц, отмечает их способность передавать знания от предыдущего поколения к последующему. «Когда народ, освобождаясь от оков грубого невежества, начинает наблюдать и размышлять, тогда у него появляются плоды его наблюдений и размышлений в кратких, резких и замысловатых изречениях, кои обращаются в пословицы. Сии изречения людей, среди народа превосходных умом и долговременной опытностью, утверждаясь общим согласием, составляют мирской приговор, общее мнение, одно из тайных, но сильных, искони сродных человечеству средств к образованию и соединению умов и сердец. В таких пословицах древние времена мира передали потомству правила нравственности и благоразумия или достопамятные события, необходимые наблюдения о природе» (Снегирев И.М., 1997, с. 75). И.М. Снегирев сравнивает пословицы с притчами: «Не столько сущностью, сколько обликом разнится от пословицы притча, которая в народном языке значит причину» (Снегирев И.М., 1997, с. 76). Снегирев обобщает типологические особенности в определении жанра пословицы: «Хотя в пословицах у различных народов виден ум более или менее образованный, язык более или менее украшенный, однако все почти они суть краткие, остроумные, иногда темные и даже загадочные изречения, важные по содержанию, излагающие частный опыт в общности, руководствуя к добродетельной и благоразумной жизни» (Снегирев И.М., 1997, с. 76).

Глава мифологического направления в русской фольклористике Ф.И. Буслаев в трактате «Русский быт и пословицы» делает вывод: «Пословицы будем мы рассматривать как художественные произведения родного слова, выражающие быт народа, его здравый

смысл и нравственные интересы» (Буслаев Ф.И., 2006, с. 78), и далее отмечает: «Как для поэта игра звуков и течение мысли совпадают в одном творческом движении души, так и пословица создавалась взаимными силами звуков и мысли» (Буслаев Ф.И., 2006, с. 126).

Объемная коллекция В.И. Даля «Пословицы русского народа», включающая 30000 фольклорных единиц, открывается вступительной статьей под названием «Напутное», по сути это крупный по своему значению теоретический трактат, посвященный изучению жанровых особенностей паремий. Интерес В.И. Даля к сублимационным построениям народной речи способствует образности его научной стилистики, в которой много сближений с народным сказом. С ориентацией на народные выводы строит Даль свои определения.

«П о с л о в и ц а – коротенькая притча; сама же она говорит, что «голая речь не пословица». Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. Но «одна речь не пословица»: как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки. (...) При таком понятии о пословице мы должны согласиться, что она не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометье» (Даль В.И., 1996, т. 1, с. 23).

Далее В.И. Даль выводит определение поговорки:

«П о г о в о р к а – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы» (Даль В.И., 1996, т. 1, с. 25).

Младомифолог А.Н.Афанасьев в разделе «I. «Происхождение мифа, метод и средства его изучения» в I томе научного трактата «Поэтические воззрения славян на природу» паремии изучает в русле древнейших сюжетов, из которых слагались мифы. «Пословицы, поговорки, присловья, прибаутки мало представляют осязательных намеков на языческие верования; но они важны, как выра-

зительные, меткие, по самой форме своей наименее подверженные искажению, образцы устной народной речи и как памятники издавна сложившихся воззрений на жизнь и ее условия. (...) пословицы и поговорки сливаются со всеми другими краткими изречениями народной опытности или суеверия, как-то: клятвами, приметами, истолкованиями сновидений и врачебными наставлениями. Эти отрывочные, нередко утратившие всякий смысл изречения примыкают в общей сумме стародавних преданий и в связи с ними служат необходимым пособием при объяснении различных мифов» (Афанасьев А.Н., 1995, т. 1, с. 15).

Н.А. Добролюбов в «Предисловии к пословицам» обращается к опыту изучения жанра: «Давно уже у нас обратили внимание на народные пословицы как на выражение народного ума, народной жизни, народного характера» (Добролюбов Н.А., 1952, т. 1, с. 62). Он продолжает рассуждение в статье «О поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах»: «(...) народные пословицы, поговорки, притчи, загадки, заговоры, заклятия, причитания, присловья – также служат отражением народного ума, характера, верований, воззрений на природу, и в них также находим проявление поэтического гения языка» (Добролюбов Н.А., 1952, т. 1, с. 83).

В современных вузовских курсах устного народного поэтического творчества дается определение, которое суммирует типологию свойств, изученных в XIX веке. В новейшем учебнике В.П. Аникина «Русское устное народное творчество» (М., 2004) указывается: «пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, ритмически организованное изречение либо с общим прямым смыслом, либо с переносным, многозначным, основанным на аналогии» [9].

В писательский обиход светской литературы пословицы и поговорки вводятся сатирами А.Д. Кантемира. диалоги пословицами выстраивает с своей комедиографии А.П. Сумароков («Рогоносец по воображению»). В сатирах и комедиографии малые жанры устной народной прозы займут прочное и почетное место.

Премии используются во всех произведениях, составляющих прогрессивное течение и развитие русской литературы. «Пословицы и поговорки доселе пользуются у нас большим почетом и имеют обширное приложение, особенно в низшем и среднем классе народа», – пишет Н.А. Добролюбов в Ниже-

городской губернии в статье «О некоторых местных пословицах и поговорках (...) Пословицей потешается иногда честная компания, нашедши в ней какое-нибудь приложение к своему кружку. Пословицу же пустят иногда в ход для того, чтобы намекнуть на чей-нибудь грешок, отвертеться от серьезного вопроса или даже оправдать неправо дело. Это пословицы общие, ходячие, употребляемые с незначительными вариантами по всей матушке – Руси. Есть пословицы другого рода, в которых находят историческое основание и которые именно указывают на известное место или лицо» (Добролюбов Н.А., 1952, т. 1, с. 3).

Интерес к жизни «по пословице» составляет этнографическую подробность многих произведений Салтыкова-Щедрина, конечно, итогового романа-хроники «Пошехонская старина». Обращаясь и к своему родословию, писатель свидетельствует: «Отец был тогдашнему времени порядочно образован; (...) отец вовсе не имел практического смысла и любил разводить на бобах» (17, 8).

Евграф Васильевич Салтыков, отец сатирика, в письме к его брату Дмитрию Евграфовичу Салтыкову говорит о дружбе Михаила с Сергеем Юрьевым и Бобринским «по пословице»: «Никому не верь, никто тебя и не обманет», «Таковые друзья подобны тому, как бы голым телом в крапиву с ... садиться» [10] (письмо от 12 ноября 1845 года).

Родительские наставления «из десятилетнего деревенского детства» (20, 164) усадебного воспитания выполняли важную жизненную и творческую миссии. В эстетических исканиях они участвовали в формировании творческого потока, объединенного с народностью. Биографические сведения, связанные с жизнью писательского рода, отразились в обсуждении пословицы, которой отец напутствует сына Ивана Самойловича Мичулина при отъезде в Петербург (ранняя повесть «Запутанное дело», 1848);

«Будь ласков со старшими, невысокомерен с подчиненными, не прекословь, не спорь, смирайся – и будешь ты вознесен премного; ибо ласковое теля две матки сосет». Такого рода **напутственный завет** (подчеркнуто нами. – Г. Ш.) был произнесен Самойлом Петровичем Мичулиным двадцатилетнему его детищу, отправляющемуся из дома родительского на службу в Петербург» (1, 201).

Итак: **пословица – напутственный завет отцов детям, поколения предшествующего поколению последующему.** М.Е. Салтыков-Щедрин в жанре пословицы отмечает

универсальную типологическую установку: каждая пословица в момент возникновения в речи является **напутственным заветом** поколений предыдущих поколениям последующим. Этот принцип охватывает движение времен: 1) на пространстве эволюции всего человечества; 2) на малых пространствах человеческих родословий.

Писательское уточнение признаков жанра не замыкается на указании его диалектической функции, но определяет значение в повседневности, в бытовании героя: «... на практике во всей подробности осуществляет отцовский **кодекс житейской мудрости** – и не только двух, но и одной матки не сосет ласково тела!» (1, 202).

Словесные замены Салтыкова-Щедрина будоражат концептную сферу пословицы, образуют синонимический ряд, усиливают понимание многозначности жанра.

В приведенном примере пословица, которой открывалось повествование в повести, трансформировалась, изменила свое содержание, указывая на противоположное действие. Реальные жизненные наблюдения героя не подтвердили наставления предков, указали, что «кодекс житейской мудрости» устарел. Знания «злости дня», «интересы минуты» заставляют переосмысливать опыт поколений, думать о новом уставе, который не вошел еще в «скрижали истории».

Понятие «пословица – кодекс житейской мудрости» трижды употребляется в начале повествования о петербургских скитаниях героя, создавая таким троекратным повтором (значимым в фольклоре и по своей числовой сущности) устойчивый образ умственного руководства, утратившего свое действие в новом течении дней.

Приведем два других случая использования словосочетания: «Впервые, как будто сквозь сон, мелькнуло у него в мозгу, что отцовский **кодекс житейской мудрости** требовал безотлагательного и радикального исправления и что в некоторых случаях скорее нужен наскок и напор, нежели безмолвное склонение головы» (1, 205). «Жизнь – лотерея! – начал было по привычке отцовский **кодекс житейской мудрости**, – смирайся и терпи!» (1, 207).

Сентенции «**пословица – напутственный завет**»; «**пословица – кодекс житейской мудрости**» прозвучали со страниц повести М.Е. Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело» (1848), которая стоит у истоков его творчества, они принципиальны по своей теоретической значительности, развивают описание ти-

пологии жанра пословицы.

В современной фольклористике понятие «кодекса» в законодательном, уставном значении употребляется в толковании пословиц В.П. Аникиным в монографии «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» [11].

Аллегоризм пословиц в поэтике М.Е. Салтыкова-Щедрина объединился с идейно-стилевой установкой его сатирического повествования, направленной на обеспечение жизнедеятельности его сатиры вопреки всем нападениям цензуры. На эти обстоятельства указывал писатель в художественно-публицистическом цикле «Недоконченные беседы («Между делом»)» (1873-1885): «Я – русский литератор и поэтому имею две рабские привычки: во-первых, писать иносказательно и, во-вторых, трепетать» (15-П, 185).

Аллегоризм пословиц после принятия христианства на Руси стал устойчивым типологическим признаком этого жанра и широко использовался в иносказательной речи, которую обозначали еще как речь эзоповскую, двусмысленную, рабью, экивоки.

Указание писателя на то, что «Глумов подавал мне реплику, большею частью пословицами» (15-П, 188), подчеркивает вывод, который следует из наблюдений за литераторами и из собственной практики: речь намеками, не прямое повествование включало много пословиц.

В XIX веке в живой разговорной речи и литературе в обозначении двух паремий писатели нередко свободно употребляли термины, не соотнося их с определенной смысловой регламентностью: применительно к пословицам указывалось «по поговорке», а для поговорок следовало замечание «по пословице». Писательскими ремарками не всегда можно пользоваться для классификации жанров фольклора.

В понимании научной точности термина Салтыков-Щедрин более последователен, чем его современники. Понятие пословица употребляется в соответствии с жанровой определенностью народного произведения, на которое часто ссылается сатирик. Например: «Хлеб-соль ешь, а правду режь, – говорит русская пословица. И еще: «Варвара мне тетка, а правда мне мать!» («Сатиры в прозе», 3, 371). Терминологическое обозначение жанра в поэтике произведений, как правило, дается рядом с примером народного жанра. Примером точного употребления термина поговорка может служить следующий фрагмент из «Сатир в прозе»: «Ибо в противном случае, мы,

сего доброго, снежежничаем и как раз уподобимся тем мужикам-бахвалам, про которых сложена поговорка: «Человек он умный: на пусто не плюнет, а все в горшок, да в кашу» (3, 363); имеется в виду поговорка: «наплевать на все».

Нами отмечены важные теоретические выводы М.Е. Салтыкова-Щедрина, объективное понимание типологических особенностей жанра пословиц и поговорок, точность дифференциации произведений в художественной речи произведений. Это свидетельствует о полноте научного восприятия современных писателю трудов в области устного народного поэтического творчества.

Для культуры XIX века характерна высокая заинтересованность в коллекционировании произведений фольклора. К коллекционированию обратились образованнейшие умы, владеющие знаниями многих иностранных языков. Писательское коллекционирование фольклора в XIX веке имеет у истоков опыт А.С. Пушкин, который создал коллекцию пословиц и поговорок, собирал и записывал народные песни.

Опыт коллекционирования пословиц М.Е. Салтыковым-Щедриним описан в литературоведении: Соколов Ю. «Из фольклорных материалов» [12], Ефимов А.И. «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» [13], Прозоров В.В. «М.Е. Салтыков-Щедрин» [14].

В Архиве М.Е. Салтыкова-Щедрина хранится запись 52 пословиц, которую он, по мнению Ю.М. Соколова, сделал в конце 1850-х годов. Опыт коллекционирования пословиц М.Е. Салтыкова-Щедрина, очевидно, связан с итогами Вятской ссылки, он менее известен в литературоведении, чем «Сибирская тетрадь» Ф.М. Достоевского, которую вел писатель в Омске на поселении после каторжной ссылки (первые записи датируются 1855, а последние 1860 гг.), однако опыт сатирика не менее ценен. Писательские коллекции А.Н. Островского, Н.А. Добролюбова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского указывают на особенности научной организации их эстетического процесса.

Теоретические выводы и наблюдения М.Е. Салтыкова-Щедрина, представленные в его произведениях, объединены с итогами изучения жанра пословиц, сделанными выдающимися фольклористами современной ему эпохи.

В художественно-публицистических циклах сатирика не однажды отмечается притчевость пословиц; они становятся выводом из рассказа, взаимодействуют с образа-

ми, организуют рассуждения. В художественно-публицистическом цикле «Круглый год» читаем: «Я очень хорошо помню пословицу: было бы болото, а черти будут, и признаю ее настолько правильною, что никаких вариантов в обратном смысле не допускаю. Воистину болото родит чертей, а не черти созидают болото. Жалкие черти! как им очиститься, просветлеть, перестать быть чертями, коль скоро их насквозь пронизывают испарения болота! Жалкие и смешные черти! как не смеяться над ними, коль скоро они сами принимают свое болото всерьез и устраивают там целый нелепый мир отношений, в котором бесцельно кружатся и мятутся, совершенно искренне веря, что делают какое-то прочное дело! Да, смешны и жалки эти кинутые в болото черти, но само болото – не жалко и не смешно ...» («Круглый год», 13, 505). В данном случае обращает на себя внимание изучение притчевой сути жанра пословиц. Взаимодействие с мифом, притчей отмечалось в исследованиях И.М. Снегирева, Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева. Новым этапом теоретического осмысления этой проблемы стала работа А.А. Потебни «Из лекции по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка» [15].

Пословицы и поговорки в поэтике М.Е. Салтыкова-Щедрина встречаются во всех произведениях, в литературной критике, в письмах, А.И. Ефимов в монографии «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» приводит статистику: «более 200 различных пословиц и огромное количество поговорок, из которых многие употреблялись им по несколько раз» (Ефимов А.И., 1953, с. 239). Это пословицы, устоявшиеся в народном словословии, не вышедшие их употребления до наших дней. Большинство из них хорошо известно нашим современникам, так как их сохраняет весь литературный фонд XIX–XX веков.

При изучении значения пословиц в поэтике произведений писателя тематический принцип не является исчерпывающим. Об особенностях художественной стилистики автора говорят формы употребления пословиц.

Классификация, учитывающая стилевой облик пословиц в поэтике Салтыкова-Щедрина, может быть такой:

- пословицы полные;
- пословицы усеченные;
- трансформация пословиц;
- ссылки на известные пословицы;
- намекы на пословицы;
- инновирование пословиц;

пословицы из Библии;
пословицы иноязычного происхождения;

афоризмы, крылатые выражения.

Приведем примеры.

Пословицы полные: «Дело мастера боится» (2, 68), «От свиньи не родятся бобренки, а все поросенки» (2, 141), «Черный народ все равно, что мелево, что в него не кинут, все оно и мелет» (2, 145), «Милые дерутся, только тешатся» (2, 280), «Что русскому здорово, то немцу смерть» (2, 264), «Ученье – свет, а неученье – тьма» (2, 264), «Дело не волк, в лес не убежит» (2, 289), «Недосол на столе, а пересол на спине» (17, 28), «Лето-припасуха, и зима – прибируха» (17, 331) и др.

Пословицы усеченные: «Не хвались, идучи на рать ...» (2, 264), «Не все коту масленица ...» и др.

Трансформация пословиц: «Не красна изба углами, а впрочем, и пирогов тут не много найдется ...» (2, 56). Пословица: «Не красна изба углами, а красна пирогами».

«... я всегда предпочитал им открытые исследования не потому, чтобы перспектива быть предметом начальственно-диагностических постукиваний особенно улыбалась мне, но потому, что я – враг всякой неизменности и, вопреки известной пословице, нахожу, что добрая ссора все-таки предпочтительнее, нежели худой мир» (15-1, 30). Пословица: «Худой мир лучше доброй ссоры» и др.

Пословицы из Библии:

«Царь Давид в кимвалы играл» (2, 389) и др.

Пословицы иноязычного происхождения:

Латинские:

«Omnia me cum me» (2, 58) – Правильно: «Omnia mea mecum porto».

«Все свое ношу с собою».

«Vini, vidi, visi!» -

«Пришел, увидел, победил» и др.

Афоризмы

В конце 1842 – начале 1843 года М.В. Буташевич-Петрашевский предложил М.Е. Салтыкову принять участие в организованном им журнале «Мои афоризмы». «Самая мысль издания журнала поддерживала мое знакомство с Петрашевским: для этой цели Петрашевский предлагал покупать и книги, чтобы составить небольшую энциклопедическую библиотечку» (Г.А. Шестопалова, Летопись ... С. 41.).

Замысел публикаций, которые сопровождают деятельность кружка М.В. Петра-

шевского отчасти реализовался в издании «Карманного словаря иностранных терминов».

I выпуск «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка», издаваемый Н. Кирилловым, вышел в апреле 1845 года в Петербурге. Вся основная работа по составлению его была проделана другом Салтыкова критиком Валерианом Николаевичем Майковым. Первый выпуск включал слова от А до *Мариотова трубка*. Книга была отнесена к числу запрещенных. II выпуск «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» вышел в свет в апреле 1846 года, он был составлен М.В. Буташевичем-Петрашевским и включал слова от *Мариотова трубка* до *Орден Мальтийский*. Выпуск был задержан Петербургским цензурным комитетом, а тираж почти весь сожжен. А.И. Герцен отмечал: «Петрашевцы ринулись горячо и смело на деятельность и удивили всю Россию «Словарем иностранных слов (-)» [16].

Язык афоризмов М.Е. Салтыкова-Щедрина у самых истоков имеет уникальную школу тенденциозного письма, приемы которой разрабатывали петрашевцы для толкования слов с учетом общественных настроений философов-утопистов, ратующих за судьбы демократии. Глубина мысли должна была сочетаться с точностью содержания, краткостью, убедительностью и выразительностью стиля.

Афоризмы Салтыкова-Щедрина включают большое количество дифиниций. В поэтике писателя это особенный, неологистичный художественный прием. Рассмотрим примеры из картины нравов «Господа ташкентцы»: «Ташкент, как термин географический, есть страна, лежащая на юго-восток от Оренбургской губернии. (...) Как термин отвлеченный, Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданства предание о Макаре, телят не гоняющем» («Господа ташкентцы», 10, 27). По отношению к устойчивому топониму, отмеченному на всех картах мира, Салтыков-Щедрин создает двусмысленную аллегория, намекая на российский характер просветительской политики, направленной на азиатские страны. Афористичность дифиниций делает их запоминающимися, яркими, необычными по своим сатирическим достоинствам.

Дифиниция в «Современной идиллии» поясняет понятие, содержание которого ни у кого не вызывает сомнений, все знают, что

значит молчать. Однако писатель показывает, что в условиях политической реакции глубоко задевается быт человека, вся его психологическая сущность. «Молчать – это целое занятие, целый умственный процесс, особенно если при этом имеется в виду практический результат» («Современная идиллия», 15-1, 10).

Вопрос о сатирических дифинициях как средствах обличительной типизации и сатирического красноречия представляет значительный теоретический интерес при изучении афористики писателя.

М.Е. Салтыков-Щедрин обладал сатирическим острословием. Словарь его афоризмов велик, много больше, чем у других классиков. Каждое новое произведение сатирика давало новые примеры в словарь афоризмов его эпохи. Многие фразы из сатир Салтыкова-Щедрина обогатили живое общение людей, стали крылатыми выражениями.

Афористично выражена патриотическая концепция Салтыкова-Щедрина в художественно-публицистическом цикле «Убежище Монрепо»: «отечество – от Бога» (13, 395), «Отечество – святыня!» (13, 397), «А главное все-таки: люби, люби и люби свое отечество! Ибо любовь эта даст тебе силу и все остальное без труда совершить» (13, 404).

Афоризмы Салтыкова-Щедрина так же многообразны, как и пословицы, только они более подробно касаются политики России, критикуют идейные группировки. Афоризмы Салтыкова-Щедрина имеют просветительское значение, в них выражена большая эрудиция писателя.

В 50-70-е годы XX века употребление в речи афоризмов Салтыкова-Щедрина долгое время считалось признаком начитанности, образованности.

Сейчас не часто в речи ораторов мы слышали крылатые выражения из словаря Салтыкова-Щедрина, редко они используются в современной прозе. Задача вузовского образования – вернуть отношение к живому слову сатирика, привить интерес к совершенству его сатирических экзерсисов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Заголовков. – М.Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия. // Полн.собр.соч.: В 20 т. – М., 1973, т. 15-1. – С. 91.
2. Эпиграф – А.Н. Толстой. Салтыков-Щедрин. Речь на торжественном заседании 10 мая 1939 года // А.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. – М., 1953, т. 15. – С. 335-337.
3. М.Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч.: В 20 т. – М., 1972, т. 13. – С. 317. Далее ссылки на собрания сочинений М.Е.Салтыкова-Щедрина даются в тексте с указанием тома и страниц по данному изданию.
4. И.М. Снегирев. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. – М., 1997. Далее ссылки даются в тексте по этому изданию.
5. Ф.М. Буслаев. русский быт и пословицы // Федор Буслаев. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. М., 2006.
6. В.И. Даль. Пословицы русского народа. – М., 1862, т. 1-3. / Факсимильное переиздание: – СПб., 1996 / Далее ссылки даются в тексте по этому изданию с указанием тома и страницы.
7. А.Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. – М., 1995. – Т. 1-3.
8. Н.А. Добролюбов. Собр.соч.: В 9 т. – М., 1962, т. 1. Далее ссылки даются в тексте по данному собранию сочинений с указанием тома и страниц.
9. В.П. Аникин. Русское устное народное творчество. – М., 2004. – С. 246.
10. Г.А. Шестопалова. Летопись жизни и творчества Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. 1826-1848 годы. – М., 1994. – С. 54 / Письмо от 12 ноября 1845 года.
11. В.П. Аникин. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособие для учителя. – М., 1957.
12. Ю.М. Соколов. Из фольклорных материалов // Литературное наследство. – М., 1934, т. 13-14. – С. 493-504.
13. А.И. Ефимов. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. – М., 1953.
14. В.В. Прозоров. М.Е. Салтыков-Щедрин // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. – Л., 1982. – С. 76-93.
15. А.А. Потебня. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // А.А. Потебня. Эстетика и поэтика. – М., 1976.
16. А.И. Герцен. Былое и думы. – М., 1969, т. 1. – С. 816.

G. Shestopalova

THE LAST REFUGE: VERBAL LEGENDS PEOPLE'S WISDOM, PROVERBS, SAYINGS / PROVERBS IN WORKS OF M. SALTYKOV-SHCHEDRIN

Abstract. The article deals with one of the aesthetic spheres of «nation» category reflection in creative works of Saltykov-Shchedrin – the folklore.

Key words: nation, folklore, lyrics, proverb, M. Saltykov-Shchedrin.